

■ НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

В.А. ЯДОВ

К ДИСКУССИИ О МАКРО-МИКРО ДИЛЕММЕ В СОЦИОЛОГИИ

В предыдущем номере журнала опубликована моя статья о наметившемся сближении макро- и микросоциологий. Статью комментировали четверо коллег, но я посчитал неуместным реагировать на высказанные ими критические замечания в том же номере. Делаю это теперь.

Микро-макро проблема фундаментальна сама по себе, и как справедливо замечает М. Черныш, не только в социологии. Было бы детской наивностью думать, что в своей статье я все «расставил по местам» как надо. Поэтому мы с Л. Козловой и решились подставить автора под огонь критики экспертов. И коллеги не только откликнулись, но совершенно нелицеприятно высказали юбиляру свои сомнения по многим аспектам проблемы.

Одним из вызывающих замечания моментов является отнесение тех или иных подходов к микроуровневому рассмотрению. Хочу уточнить, что микросоциологическими я называю, как это устоялось в литературе, исследования непосредственных взаимодействий между людьми в контактных (то есть малых) группах. Понятно, что строгое разделение аналитических подходов на уровни возможно лишь в принципе, в терминах научной парадигмы. В реальном исследовании, вроде нашего изучения «челноков», уровневые грани жестко не различимы. Потому оппоненты в своих замечаниях сочли возможным отсылку к диспозиционной концепции индивидуального поведения: здесь персональная диспозиция непременно предполагает ее объект — иных субъектов. Эту проблематику я бы «отодвинул в сторону», так как центральный вопрос — макро- и микро- подменяется другими, важными, но не являющимися предметом статьи.

Ядов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра теории и историко-социологических исследований Института социологии РАН. **Адрес:** 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. **Телефон:** (499) 125-00-79.
Электронная почта: yadov@isras.ru

Трудно согласиться с мнением Инны Феликсовны Девятко, что «макро-микро дилемм в социологии не существует». И.Ф., ссылаясь на Д. Марра, пишет, что в науке есть разные уровни описания и объяснения. Да, согласен. Но думаю, что между нами имеет быть, как говорят англичане, *misunderstanding*. Мы говорим о *разных* вещах. И.Ф. рассуждает об интенциях «челноков», которые не намеревались как-либо изменять законодательство. Можно описывать и объяснять их деятельность на уровне концептуализации в терминах персональных интенций и практик. Можно, однако, взглянуть на их деятельность с «высоты» макротеории. В последнем случае интенции «челноков» нас не интересуют, фокус внимания — их практики. В таком ракурсе практики объективированы, подлежат анализу в качестве наблюдаемого поведения. «Челночество» — общий для нас с И.Ф. Девятко объект обсуждения. Различие в том, что предметом ее внимания по преимуществу является *генезис* практик. Поэтому она прибегает к аналогии с муравейником, а также поведением стажера в Англии: как и почему он поступал определенным образом. В моем тексте предмет внимания — практики «челноков» *как таковые* и их следствия — импульсы, побудившие к принятию рыночных законов и инструкций.

В теории «уровневая» проблема обернулась разделением на макро- и микропарадигматику. Макросоциологи образовали свой клуб, а микросоциологи — свой. При этом члены каждого из них не желали посещать «инопарадигмальный» клуб и не были туда допускаемы. Я пытался показать, что сегодня члены двух этих клубов так или иначе начинают общаться благодаря тому, что в обоих обсуждают проблематику практик. И это мне представляется «мостиком» для взаимопонимания между ними и — кто знает? — возможного построения некой теории, интегрирующей оба уровня анализа.

Вадим Волков солидаризируется с моей аргументацией и, я бы сказал, с некоторым пафосом замечает, что «триумф социологии» — способность объяснить людям следствия их действий, о которых (следствиях) они не подозревали. Спасибо за то, что почтительное отношение к юбиляру сдержало моего коллегу от суровой критики.

Его соавтор и друг Олег Хархордин, которому тоже спасибо, высказал ряд сомнений. Он привел симпатичную шутку (кажется, из Жванецкого) про человека, который пить, курить и говорить научился одновременно. И комментирует: шутка «как раз указывает на три таких макроспособа жить усредненным образом... Вопрос в том, что они всегда реализуются в конкретной ситуации, здесь и сейчас, но почему от этого она [шутка. — В.Я.] якобы становится примером микроинтеракции?» (Социологический журнал. 2009. № 1. С. 162). Здесь мой уважаемый оппонент оперирует аргументами постмодернизма в социологии. Мне нравится суждение Р. Коллинза о том, что постмодернисты «рассматривают социологию всего лишь как интеллектуальный

дискурс, далекий от познавательной и практической функции научной дисциплины, поскольку это направление вообще отрицает существование законов социального мира»¹. Отсюда — релятивизм. Релятивизм утверждает относительную истинность знания, с чем трудно не согласиться. Но доведенный до предела *here and now* он оборачивается принципом отсутствия принципов и отказа от каузальности.

Разве практики «челноков» не становились нормативными для них? Разве они не «причиняли» необходимость законодательного урегулирования перевоза товаров через границу? Разве реально, объективно микро- и макро- в этом не взаимодействуют? Законодательный акт есть ответ на «челночество», «челноки» вынуждаются повиноваться законам и инструкциям. Я уверен в том, что такой (диалектический) подход здесь совершенно оправдан и практичен. Он позволяет *понять* социальную реальность. Михаил Черныш пишет: «Не бесконечная продолжительность практик и не фреймы соединят микро- и макроуровни, а скорее понимание “неравенства потенциалов” людей в обществе» (Социологический журнал. 2009. № 1. С. 165–166). Мой коллега ссылается на формулу Маркса о классе «для себя», то есть классе, осознающем свои особые интересы и более того — свою миссию в переустройстве общества. «“Челноки”, — пишет Михаил Федорович, — это скорее “практики” в худшем смысле этого слова. Все их “предпринимательство” ничего не изменило в процессах становления новых структур...» Мне кажется, что оппонент оставляет без внимания различия между марксистским и активистским подходами современных теоретиков. Последние опираются на Марксову формулу, согласно которой «люди сами делают свою историю...». Но марксизм рассматривает в качестве субъектов исторических трансформаций социальные классы, а не индивидов или их конгломерации. В упоминаемом проекте мы стремились показать, что спонтанная деятельность миллионов «челноков» формировала новые, рыночные правила, каковые законодательно институционализировались².

В заключение хочу выразить глубочайшую признательность В.В. Волкову, И.Ф. Девятко, О.В. Хархордину и М.Ф. Чернышу за их заинтересованное отношение к макро-микро проблеме в современной социологии. И как редактор журнала думаю, что обсуждение ее хорошо бы продолжить³.

¹ Коллинз Р. Социология: наука или антинаука // THESIS. 1994. № 4. С. 18.

² Между прочим, как показывает Е.Н. Ядова, «челноки» начинали обретать признаки особой социальной группы или слоя: у них возникали сети взаимодействий и своя субкультура (Ядова Е.Н. Челночество как социальный ресурс трансформационного периода. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М.: ИС РАН, 2009.)

³ Я показал этот текст Андрею Здравомыслову, и он подал такую мысль.